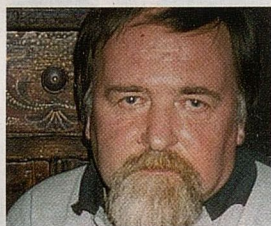

И пальцы проснутся к перу...

Владимир Тучков

В феврале
1829 года
Александр
Сергеевич
Пушкин
написал:

«...о грешной
деве мимоходом
казацкам
юным говорит».

Так была
завершена поэма
«Полтава» —
отвердное
гениальное
произведение
великого
русского
поэта, —
назтая
автором 2 апреля
1828 года.

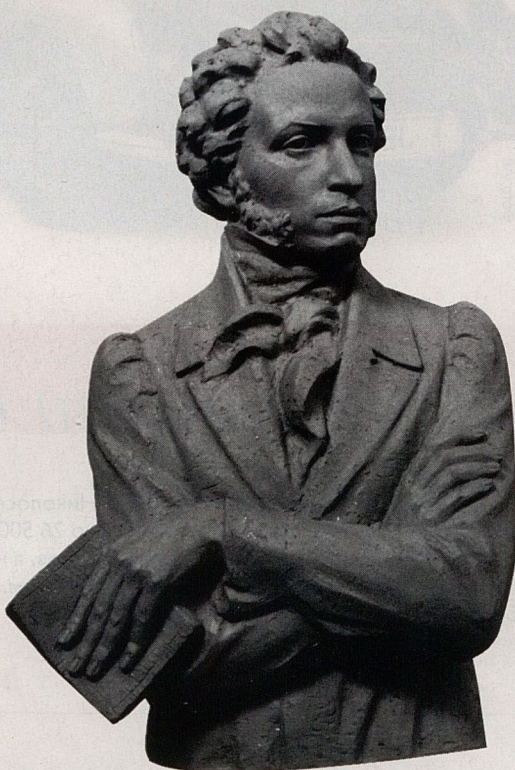
В этот временной промежуток, начинающийся словами «Богат и славен Кочубей, его луга необозримы...», уложилось множество удивительных событий насыщенной биографии Пушкина. Ему было отказано в просьбе ехать воевать с турками, а также в Париж «по делам». Он увлекся Олениной и сватался к ней, увлекся Закревской, но к ней не сватался, увлекся Гончаровой, но посвататься к ней не успел. Крепостные отставного штабс-капитана Митькова подали митрополиту петербургскому Серафиму жалобу на то, что Митьков развращает их, читая им «Гаврилади», и представили эту рукопись. Пушкин выдержал два допроса у генерала-губернатора Санкт-Петербурга по поводу «Гаврилады», не сознавшись в содеянном. Признался в авторстве срамной поэмы в письме императору Николаю I. Угодил под секретный надзор постановлением общего собрания Государственного совета по делу о стихах из «Андрея Шенье». Съездил из Петербурга в Москву и вернулся обратно. Получил 7000 рублей гонорара за второе издание «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилы», которые стремительно проиграл в карты... Что же касается стихов, то их Пушкин, в отличие от поэтов, писал стремительно. Новейшие литературоведческие исследования позволяют воссоздать атмосферу, в которой творил гениальный поэт. Как-то раз Александр Сергеевич Пушкин вдохновенно сочинял стихотворение «Зимнее утро», которое ему было заказано за 100 рублей для антологии рус-

ской классической поэзии. Написал первую строфу. За ней вторую. Потом третью. Дошла очередь и до четвертой:

*Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запретить?*

Записав четвертую строфу, гениальный поэт вдруг заметил в ней явную тавтологию: «треском трещит». Только собрался ее поправить, как в дверь ввалились старинные лицейские друзья: с вином, с картами, с веселыми дамами, с цыганским хором. Стали пить, играть в карты и веселиться от души. Утром Александр Сергеевич проснулся с головной болью и с изрядно похудевшим кошельком. А тут еще посыльный из издательства дожидается. Сел и второпях дописал сразу же ставшее классическим стихотворение:

*Скользая по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И посетим поля пустыне,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.*

Дом, где умер Пушкин

в котором применил изощренную «онегинскую строфу». И начал его в благодарность Василию Львовичу со слов: *«Мой дядя самых гостных правил»*, имея в виду правила версификации.

Кстати, в память о той беседе по поводу «Кавказа» эпиграфом к первой главе поставил цитату из поэта Вяземского: *«И жить торопится, и чувствовать спешит»*. Помянул и Жуковского, но лишь в пятой главе, когда ярость к обидчику несколько поутихла. Правда, все-таки вставил наиболее невыразительные строки: *«О, не знай сих страшных снов! Ты, моя Светлана!»* Позже по этому поводу удачно сострил поэт Брюсов: *«О, прикрой свои бледные ноги!»*

За окном немилосердно пекло жаркое июльское солнце. Нагло жужжали неповоротливые мухи. Александр Сергеевич Пушкин вдохновенно описывал сцену метели в повести «Капитанская дочка».

Вдруг распахнулись двери и шумной толпой ввалились поэты Жуковский, Давыдов, Вяземский и Баратынский: с шампанским, с картами, с веселыми дамами, с цыганским хором. И стали всячески уговаривать Александра Сергеевича «бросить свою писанину», чтобы немедленно предаться дружескому веселью. — Нет, — говорит Пушкин, — мне надо непременно дописать до конца абзаца, а то с мысли собою! И тогда уж повеселимся от души!

— Да что же это такое! — возмутился Денис Васильевич Давыдов. — Четверо одного не ждут! Давай поскорей заканчивай!

— Скоро — плохо выйдет! — не соглашается Пушкин.

— Не скажи, брат! Иной раз все натиск решает! — не унимается Давыдов. — Что ты там уже написал?

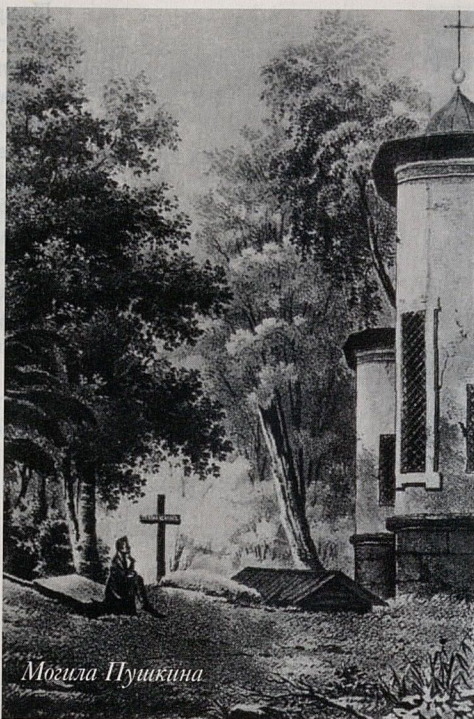
— Изволь: *«Облачко обратилось в белую тугу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл...»* А теперь надо написать, как он завыл, какими голосами, как закрутил вихри снежные, как стало тревожно и страшно, как дрожала крупной дрожью лошадь...

— Да на кой чорт тебе эта канитель нужна! — вскричал Денис Васильевич. — Душа праздника требует, а он собрался тут рассоливать! Пиши: *«Сделалась метель»*. И вся недолга!

Александр Сергеевич так и поступил. Что спустя мгновение сделалось в доме Пушкина, то не поддается никакому описанию. Наутро, встав с головной болью, чтобы досадить поэту-партизану, вчистую обыгравшему его в карты, так дописал: «В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. *«Ну, барин, — закричал ямщик, — беда, буран!»* Да еще и многоточие поставил.

А потом подумал и приписал в начале главы эпиграф:

*Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!*

*Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Притость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.*

26 мая 1828 года к Александру Сергеевичу Пушкину на его 29-й день рождения пришли друзья и принесли подарки. Все принесли достойные, полезные и дорогие вещи, необходимые как в повседневном быту, так и во время праздности и развлечений. Лишь один Николай Михайлович Языков, который уже тогда вознамерился перейти в лагерь славянофилов, причем в крайне реакционное его крыло, принес Пушкину форменную гадость.

При виде этой гадости Александр Сергеевич сразу же схватился за перо и вывел в правом верхнем углу листа дату: 26 мая 1828. А ниже стал записывать гневное стихотворение, которое должно было бы стать отповедью реакционным славянофилам:

Дар напрасный, дар случайный...

И хотел уже было продолжить: «Мне Языков «судружил», но тут началась такая буйная пирушка, что утром Александр Сергеевич не помнил ни о нелепом подарке Языкова, ни о Языкове, ни о том, по какому поводу он начал писать стихотворение. И мрачно продолжил:

*Жизнь, затем ты мне дана?
Иль затем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?...
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

В голове у Александра Сергеевича после вчерашнего шумело изрядно.

Как-то раз мысли в голове Александра Сергеевича Пушкина взволновались в отвате, на встречу им побежали легкие, отглаженные, рифмы, пальцы попросились к перу, перо к бумаге, минута — и на бумагу потекли какие-то совершенно чудовищные слова, несообразные ни эпохе, ни гению Пушкина: *«По вегетарм над ресторанами...»* Александр Сергеевич сдержал подступившую тошноту. Но перо само собой продолжало с визгом скрести лист бумаги: *«Горячий воздух дик и глух...»* Александр Сергеевич с отвращением плюнул на пол, выругался вслух, но тщетно: *«И правит окриками пьяными...»* Александр Сергеевич трижды перекрестился и воскликнул: «Чур меня!» Однако строка продолжала выползть из-под пера, словно гадина: *«Весенний и тлетворный дух...»*

И вдруг наваждение исчезло, Пушкин очнулся, порвал в мелкие клочки вздорный стишок и воскликнул: «Не дай мне Бог дожить до этих окаянных времен!» И Бог не дал.

Наталья Николаевна Пушкина

В спешке Александр Сергеевич не только забыл про тавтологию, но и поменял пол бурой кобылки из четвертой строфы, превратив ее в пятой в нетерпеливого коня. Правда, половое несоответствие он все же заметил, но переправлять не стал. Потому что слишком уж торопился — 10 рублей для него в этот момент были гораздо важнее, чем вся эта лошадиная канитель.

Ведь Александр Сергеевич не обращал ни малейшего внимания на оценку своих стихов ни современниками, ни откровенно глупыми потомками. В дальнейшем, в следующем, 1830-м году, он четко сформулировал свое кредо в сонете «Поэту»: «...Ты сам свой высший суд; // Всех строже оценить умеешь ты свой труд. // Ты им доволен ли, взыскательный художник? // Доволен? Так пускай толпа его бранит...»

Александр Сергеевич Пушкин своим трудом был доволен всегда.

Как-то раз Александр Сергеевич Пушкин сочинял стихотворение «Прощанье». Первую строфу написал легко, на едином вдохе. Вторая пошла уже потяжелее:

*Бегут меняясь наши лета,
Меняя всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета
И для тебя твой друг...*

И тут Александр Сергеевич запнулся и начал мучительно подбирать рифму к слову «нас». «Заказ?» Нет, не то! «Запас, квас, Красс, глаз, спас, прекрас, унитаз, атас, приказ...» Нет, все не то! Все эти слова не подходили для того, чтобы быть включенными в гениальное стихотворение. В конце концов Александра Сергеевича заклинило на фразе Антона Антоновича Дельвига, которой он завершил свое последнее письмо: «У нас девицы — первый класс!»

*(И тут
Александр
Сергеевич
запнулся
и начал
мучительно
подбирать
рифму к слову
«нас». «Заказ?»
Нет, не то!
«Запас, квас,
Красс, глаз,
спас, прекрас,
унитаз, атас,
приказ...» Нет,
все не то!)*

И вдруг распахнулись двери и стремительно вбежал поэт-партизан Денис Давыдов, как всегда надувшийся шампанского. И с места в карьер начал рассказывать о всяких военных премудростях, перемежая свои горячие речи специальными терминами: фортификация, картечь, редут, кампания, арьергард, фугас... На слове «фугас» Александра Сергеевича словно пружиной подбросило, он подбежал к столу и дописал строфу: «И для тебя твой друг — фугас». Но потом понял, что получилось слишком уж кровожадно, дамы в обморок попадают. И зачеркнул букву «ф», а заодно и тире. Получилось вполне благообразно, хоть и несколько невнятно: «И для тебя твой друг угас».

Как-то раз Александр Сергеевич Пушкин написал стихотворение «Кавказ»:

*Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.
Здесь туги смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох толстый, кустарник сухой;
А там уже роицы, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скажут олени.
А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползает овцы по златным стремнинам
и т.д.*

И хоть Пушкин и не дорожил любовью народной, но к мнению собратьев по перу все же иногда прислушивался. К тому же и тему на сей раз он выбрал довольно щекотливую. Поэтому позвал поэтов Вяземского, Жуковского и своего дядю Василия Львовича и показал им стихотворение «Кавказ».

Поэт Вяземский внимательно его перечитал и сказал, что очень уж смело написано. Государю императору может не понравиться, что Орел — сей символ самодержавия — парит наравне с поэтом Пушкиным.

Александр Сергеевич лишь гордо сверкнул глазами, но ничего не ответил. Мол, история ответит, рассудит. Поэт Жуковский вначале робко сказал, что стремнины не могут быть злаными, потому что они представляют собой отвесные скалы, а проще говоря, голые кручи. А потом разошелся и начал бранить рифму «стремнины — вершины» как слабую и недостойную великого Пушкина.

Александр Сергеевич настолько на это рассердился, что не стал вызывать обидчика на дуэль, а прочел недавно написанное стихотворение, в котором были слова: «Суди, дружок, не выше сапога!»

Дядя же Василий Львович изумился причудливости формы, которую племянник избрал для возвышения себя не только над Кавказом, но и надо всем миром. На что Александр Сергеевич сказал: «Четырехстопный ямб мне надоел! Вот я и написал шестистопный». «Помилуй, Саша, — удивился Василий Львович, — ты ведь и написал четырехстопным ямбом. А то что у тебя в каждой строфе по шесть строк — это не шестистопный ямб, а шестистиховая строфа. Да тебе, я смотрю, не мешало бы подучиться теории». И в доступной форме изложил племяннику правила стихосложения.

Поэтому Александр Сергеевич вскоре со знанием дела написал роман в стихах «Евгений Онегин»,